А.В.Чернышова,
кандидат исторических наук, доцент

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

(Исторический аспект)

Изменения социально-экономического и политического устройства российского общества, произошедшие в последние десятилетия, существенно повлияли на содержание и характер научных исследований проблем государственного управления в рамках всех социальных и гуманитарных наук. Это проявилось и в исторической науке, особенно при изучении проблем советского периода отечественной истории. Именно здесь ярко обозначились новые взаимосвязанные тенденции, характеризующие деятельность ученых: расширение проблемного поля за счет вопросов, которые прежде не исследовались историками или рассматривались поверхностно; введение в научный оборот широкого круга ранее недоступных архивных источников; изменение на этой основе оценок в отношении ключевых исторических событий и др.

В наши дни российские архивы предоставляют историкам уникальные возможности приподнять завесу над тайнами прошлого. Это позволило им открыть для себя огромный массив документов социальной истории, на который ранее не обращалось должного внимания. Речь идет о «письмах во власть». Этим собирательным термином исследователи обозначают имеющийся в архивах огромный и почти нетронутый пласт источников, к которому относятся письма рядовых граждан в газеты (и опубликованные, и хранящиеся в архивах издательств), корреспонденция в государственные учреждения различных уровней (жалобы, просьбы, предложения, претензии и т.д.), а также письма партийным и государственным деятелям. Они относятся к типу документов, который в науке получил название «нарратива»[1]. Эти послания являются одним из важнейших свидетельств эволюции социальной психологии в советское время, отражением результатов деятельности властных структур всех уровней и во всех сферах обще-

[1] См.: *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М., 1999; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: (Голоса из хора). М., 1996; *Козлова Н.Н., Сандомирская Н.Н.* «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

ственной жизни. Они дают возможность изучить жизнь, мировоззрение, интересы и чаяния людей «изнутри», определить психологический климат времени. В каждом письме выступает личность, на поведении и образе мыслей которой сказывается влияние определенного класса, социальной группы, а их стремления и желания выражены более прямо и непосредственно, чем в официальных документах.

Историки не замедлили использовать новые возможности: с начала 1990-х гг. крестьянские письма начали проявляться в качестве объекта исследования на научных конференциях и в научных изданиях[1]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. стали появляться обширные публикации самих крестьянских писем, сопровождаемые содержательными комментариями и историческим анализом[2].

Историографический анализ показывает, что в большей степени историков привлекает в работе «с письмами во власть» период 1920-х гг. Это не случайно, т.к. для современной исторической науки актуально исследование проблем, связанных с изучением глобальных событий века, к которым исследователи относят и попытки реформирования советской социалистической системы на различных ее этапах. Первым из таких этапов в советском периоде отечественной истории, наиболее глубоким и противоречивым, считается период 1920-х гг. Именно в эти годы советская система получила возможность формироваться без помех со стороны внешних сил, опираясь на собственные ресурсы, реализуя те идеи, которые служили целью для новой власти. Все это происходило в условиях острой борьбы в высших эшелонах власти между сторонниками различных моделей социализма.

---

[1] См.: *Миронова Т.П.* Модели будущего в письмах крестьян конца 1920-х годов // Актуальные проблемы исторической науки. Тез. докл. и сообщений. Ярославль, 1990; *Селунская В.М., Миронова Т.П.* Опыт применения контент-анализа при изучении общественного сознания доколхозного крестьянства. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. докл. и сообщений. Киев, 1990; *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994; *Мельников В.И.* Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства (Полемика и дискуссии периода НЭПа. 1921 – конец 20-х годов). Н.Новгород, 1999; *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

[2] Письма во власть 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. М., 1998; Рязанская деревня в 1929 – 1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. М.; Торонто, 1998; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927 – 1939. Т. 1. М., 1999; Общество и власть. Н.Новгород, 2002; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х гг. в письмах и документах. М., 2001.

Хотя «письма во власть» являлись одним из источников личного происхождения, они отражали экономические и политические интересы той социальной группы, к которой принадлежали корреспонденты. Особенно ярко это проявляется в крестьянских посланиях. При всем неизбежном субъективизме эти письма выражали общественное мнение односельчан, проблемы крестьянской жизни в целом. В отличие от писем, например, интеллигенции, крестьянским письмам в силу менталитета их носителей было свойственно обращение не в государственные учреждения, а к конкретным личностям из руководства страны, которые, на их взгляд, имели влияние в руководящих кругах и могли решить волнующие их проблемы. К таким личностям, в частности, относились В.И.Ленин, а после его смерти М.И.Калинин.

Наиболее полная «коллекция» крестьянских писем во власть содержится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, Ф. 396), где сосредоточены сотни тысяч писем, написанных из деревни в «Крестьянскую газету» – одно из самых массовых периодических изданий для деревни в 1920-е гг. К концу десятилетия тираж ее достигал 1,5 млн экземпляров, оставив далеко позади все издания, ориентированные на деревню, и превосходя тираж самой массовой рабочей газеты «Гудок» более чем в три раза[1]. Особенно ценно то, что этот фонд сохранился в том виде, как он сложился в 1920-е гг.

Кроме «Крестьянской газеты» письма из деревни шли и в другие печатные органы (газеты «Беднота», «Красная деревня» и др.), а также в ЦК партии, ЦИК СССР и на имя известных партийных и советских деятелей (Ленина, Троцкого, Сталина, Калинина, Рыкова и др.). Нередко письма передавались из редакций печатных органов в органы власти для подготовки ответа или в качестве информации о ситуации в той или иной местности. Там отдельные письма нередко «обрастали» материалами переписки и составляли объемные дела. Поэтому большой блок писем из деревни можно найти, кроме РГАЭ, и в ряде фондов Государственного архива РФ (ГА РФ), и Российского государственного социально-политического архива (РГАСПИ), а также в региональных архивах.

Письма как своеобразная форма диалога общества и государства и реакция на них со стороны властного аппарата показывают специфическую форму политических отношений в советский период. Диалог при помощи различных форм апелляции к власти шел непрерывно. Разумеется, эта форма диалогичности условна. Но нельзя недооценивать значение писем во власть в информационном плане как один из каналов информации, способствующий выработке решений

[1] См.: Голос народа… С. 7.

и в ряде случаев корректировке действий власти. Руководство страны было заинтересовано в своего рода мониторинге общественных настроений, выражаемых в письмах. С этой целью письма прочитывали, компоновали в подборки и хранили в созданных во многих учреждениях отделах писем и заявлений.

Реакция на эти обращения у различных ведомств была разной. Так, Наркомпрод в годы военного коммунизма от всех продорганов требовал рассмотрения жалоб только в тех местах, где было выполнено 60% продразверстки. Эту установку он еще раз подтвердил распоряжением от 8 марта 1920 г. и придерживался ее весь заготовительный период[1]. Но во многих случаях, в частности в период нэпа, письма и заявления вызывали определенную реакцию бюрократической машины. Так, если уж был заведен отдел жалоб и заявлений в каком-либо учреждении, то он должен был пунктуально рассматривать жалобы и реагировать на них. Особенно это относилось к НК РКИ, который регулярно и подробно отчитывался о работе по рассмотрению просьб, заявлений и жалоб граждан.

Значительную ценность для исследователей представляют сводки писем, составляемые специальными сотрудниками партийных, комсомольских, советских органов, редакций периодических изданий. Эти сводки содержали подборки фактов и суждений из писем с мест (иногда и полностью тексты писем) на определенную тему и сопровождались аналитическими записками. В них, как правило, содержались материалы негативного характера. Но при всей односторонности данного вида источников он показывал тенденции в настроениях различных социальных групп, в том числе в деревне.

В крестьянских «письмах во власть» периода нэпа содержится комплекс проблем, которые волновали крестьянство: старая и новая деревня, экономика крестьянского двора, «смычка» города и деревни, крестьянин и органы власти (центральные и местные), крестьянин и закон, крестьянин и партия, крестьянин и образование, отношение крестьян к общине и коллективным хозяйствам, социальная дифференциация деревни и др.

Этот источник по ряду вопросов может дать более объективные сведения, чем заверенные подписями и печатями документы. В совокупности крестьянские письма могут точнее показать результат деятельности органов управления в деревне, эффективность тех или иных мер, предпринимаемых властями. В них содержится квинтэссенция отношения народных масс к власти.

Побудительные мотивы для написания подобного рода посланий были различными, часто комплексными. Среди них большое место

[1] РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 4. Д. 210. Л. 4.; Д. 215. Л. 5.

занимало желание найти управу на местную власть, пробить толщу бюрократической неразберихи и безответственности. Апелляция в верха виделась как наиболее эффективный способ благоприятного решения проблемы, часто на основе предыдущего опыта контактов с представителями власти на местах. «Куда ни обратишься во власть, то нигде концов не найдешь. Так было при царизме, но теперь – власть рабочих и крестьян, то должно для каждого рабочего и крестьянина. Все законы, издаваемые органами из центра, должны проводиться везде и повсюду Советской республики точно и справедливо», – писала в 1921 г. группа крестьян Гомельской губернии, недовольная действиями местного начальства[1].

Еще одним побудительным мотивом, толкавшим людей на обращение в высокие инстанции, было твердое убеждение, что на местах искажают политику центральных властей, причем не только извращают законы, но и сознательно не информируют население о тех или иных законодательных актах. Поэтому письмо либо заявление в Москву виделось как диалог с центральной властью напрямую, без лукавых посредников. При помощи прямого обращения в высшие эшелоны власти люди рассчитывали пробить информационную блокаду, получить необходимые разъяснения о разных аспектах государственной политики из первых рук. Так, крестьяне Рязанской губернии просили Ленина «расследовать вновь наше дело и разъяснить: 1) на сколько едоков по декрету полагается одна корова и одна лошадь, 2) имеют ли право притеснять и разорять семейства красноармейцев и 3) по закону ли поступает наш комитет и обязаны ли мы исполнять его требования? Если же он действует незаконно, в таком случае прикажите ему оставить нас в покое»[2].

Государство и само предпринимало попытки инициировать поток писем снизу в ходе проведения какой-либо политической кампании, вызвавшей отклик на местах. Крутые политические повороты и события также представляли естественный повод крестьянам или их представителям высказать свое отношение к ним, особенно если непосредственно затрагивались их интересы. Практиковалась также рассылка анкет и опросных листов с просьбой высказать свои суждения по тому или иному вопросу внутренней политики.

Все это говорит о том, что письма и иные формы апелляции к государству являлись не только коммуникативным средством, но и барометром общественных настроений, способом решения насущных вопросов повседневной жизни, клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства.

---

[1] ГА РФ. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 564. Л. 4.

[2] Там же. Без нумерации листов.

Отношение к власти может выражаться в трех видах: принятие (подчинение), сопротивление и индифферентность. Анализ крестьянских «писем во власть» показывает, что в российской традиции 1920-х гг. основной реакцией на давление сверху у части населения было «косвенное участие и ускользание». Но все же сельское общество в 1920-е гг. в силу многовековой традиции не мыслило себя вне сфер государственного влияния. Характерными в крестьянских письмах были требования селян увеличения капитальных вложений и финансовых дотаций в аграрную сферу, правительственной программы социальной защиты крестьянства, тщательной дифференциации хозяйств при их налогообложении и снижения налогов; поддержка крестьянами государственной практики расширения свободы единоличного землепользования и товарооборота; стремление частных предпринимателей к получению госзаказов; требования со стороны бедняков правительственной линии на уравнительно-трудовое распределение земли и усиление государственного рентно-налогового обложения зажиточных хозяйств[1].

Вялая и размытая власть не удовлетворяла население. В то же время острое недовольство большинства корреспондентов вызывала и обратная ситуация – игнорирование мнений крестьянства при решении вопросов села, отлучение их от власти. Восприятие крестьянами общественного порядка, как правило, зависело от того, насколько существующий строй позволяет выжить крестьянскому хозяйству. Поэтому в отношении крестьян к власти можно выделить два основных взаимозависимых уровня: а) к советской власти как абстрактному понятию; б) к ее конкретным мероприятиям. Отношение к отдельным мероприятиям не всегда совпадало с абстрактными представлениями о советской власти в целом.

То или иное отношение крестьян к власти базировалось в основном на их восприятии текущих событий и складывающейся политико-экономической ситуации. По результатам исследования, проведенного в первой половине 1990-х гг. группой ученых под руководством К.Б.Литвака[2], можно проследить изменение приоритетов в крестьянских письмах во власть. Если в 1924 г. крестьян более волновали вопросы кооперативной торговли, то в 1925 гг. на первый план выходят проблемы налогообложения. С этого времени «налоговая» тематика становится постоянной в крестьянских посланиях и занимает главные позиции. Характерным было стойкое упоминание в письмах

[1] См.: *Ибрагимова Д.Х.* НЭП и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 204 – 205.

[2] См.: *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

«ножниц цен», вопросов землеустройства. Они не занимали ведущих позиций в «рейтинге» проблем (до 11% от общего числа)[1], но их постоянное присутствие говорило о том, что проблемы эти не решались в полной мере.

С политико-экономической ситуацией крестьяне напрямую связывали вопросы культуры и просвещения. Несмотря на усилия, предпринимаемые властью по поднятию культурного уровня деревни, ощущение сельским тружеником собственной неграмотности и темноты росло год от года, что и проявлялось в «письмах во власть». Если в 1924 г. об этом упоминалось в 7,5 % писем, то в 1925 г. – в 9,6, а в 1928 г. – в 12,3 %[2]. С ростом знаний к крестьянству приходило понимание своей ограниченности.

В этой связи возникла проблема отношения к городу и городской жизни, которая в крестьянских письмах выглядела несравнимо более привлекательной, чем сельская (8-часовой рабочий день, более высокая зарплата, бытовые условия и т.д.). Но это была не «белая» зависть. Крестьяне считали, что «роскошная» жизнь города было замешана на крестьянском поте, на том, что село постоянно обиралось городом, на стороне которого стояла власть. Все это послужило формированию двух основных тенденций в отношении крестьянства к власти. С одной стороны, назревал кризис доверия крестьянства к государству и всем учреждениям, представлявшем его в деревне. По мнению селян, государство выражало интересы только рабочих и города в целом. С другой стороны, в крестьянской среде терялась заинтересованность в результатах сельскохозяйственного труда и зрела позиция, что «нужно сделать крестьян как рабочих». С каждым годом она крепла и в одном из писем 1927 г. была выражена следующим образом: «Крестьянин согласится. Так возьмите всю землю в казну и платите как рабочему. А крестьянин будет обрабатывать. И все равны будут как рабочий, так и крестьянин. Тогда не будет никому обидно»[3].

Тональность писем свидетельствовала, что с каждым годом в крестьянском мировоззрении происходили постепенные изменения в сторону пересмотра прежних оценок в отношении к власти. Если в 1924 – 1925 гг. критические письма касались в большей степени местных органов власти и госуправления, то в 1926 г. число посланий из деревни с критикой центральной власти впервые преобладало над письмами в поддержку советской власти (соответственно 28 против 23%). Практически такое же соотношение было и в отноше-

[1] См.: *Литвак К.Б.* Указ. соч. С. 193.
[2] Там же.
[3] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 30. Л. 643.

нии к компартии[1]. В результате к середине 1920-х гг. взаимоотношения власти и крестьянства оказались в критическом состоянии. Все эти противоречия массового сознания резко обострились с нарастанием настроения обманутых ожиданий, которые ярко проявились в 1927 г. в связи с ухудшением международной ситуации и внутренней обстановки в стране.

Но это не переросло в социальный взрыв, и в целом в отношении крестьянства к власти в 1920-е гг. достаточно явно проявились веками сформированные такие черты российского крестьянина, как терпимость и вера в «доброго царя» независимо от того, являлся ли он наследственным монархом или выбранным председателем СНК или ВЦИК. Исследователи «писем во власть» отмечают, что они позволяют понять, «отчего устанавливается молчаливое согласие между бесчеловечными условиями и людьми, готовыми их принять». Они утверждают: для того «чтобы социальное изменение произошло, недостаточно только одного властного давления. Надо, чтобы хотя бы 10% населения пожелало изменения жизненных обстоятельств. Надо, чтобы возникло напряженное поле желания»[2]. Судя по всему, в советском государстве такое «напряженное поле желания» было в наличии. Об этом свидетельствует огромный поток писем во властные структуры, в которых крестьяне искали помощи и поддержки у власти в решении своих проблем. И судя по идее «раскрестьянивания», которая зрела в среде самого крестьянства, деревня была в значительной части готова отказаться от развития в условиях новой экономической политики, тем самым создавая предпосылки для свертывания нэпа не только в городе, но и в деревне.

[1] *Литвак К.Б.* Указ. соч. С. 193.
[2] *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. С.101.